

1. Аргумент

Франсуа Дюпарк

Как известно, вопрос негативного переноса разделил Фрейда и Ференци, поскольку последний упрекал первого ровно в том, в чем его самого затем упрекала М.Кляйн. Ференци считал, что Фрейд не проанализировал в достаточной мере свой негативный перенос на него, скрытый за покорностью ученика. Фрейд защитился от этого упрека в «Конечном и бесконечном анализе», заявив, что невозможно проявить невидимый перенос, если только не относиться к пациенту недружелюбно, к тому же в любом случае скала биологического, влечения (особенно к смерти) налагает свои ограничения. На своих сеансах с Ференци он проинтерпретировал его негативный перенос на отца, запрещающего инцест (с пациенткой Эльмой). Но, как хорошо показал Тьерри Бокановски, речь шла не об одном и том же переносе: эдипов отцовский перенос, столь приятный Фрейду, оставлял в тени материнский перенос на первичный объект (избыток родительского требования, непризнание потребностей ребенка, нехватка любви), о котором Фрейд ничего не хотел слышать из-за своей собственной истории, а также из-за своего контрпереноса, враждебного к переносу этого типа.

Как можно понять, перечитав эти тексты, написанные на излете 1920 гг., негативный перенос охватывает сегодня весьма различные клинические явления и требует теоретического осмысления, которое позволило бы преодолеть создавшуюся путаницу.

Что это за различные формы? Различие негативного переноса и переноса негатива – это одно из предложений, как и различие обычного негативного переноса, достаточно полезного, и невидимых или страстных негативных переносов (Ж.Курню). Обычный негативный перенос возникает из проработки насилия амбивалентностью и задает отыгрываемое регрессивное возвращение в прошлое: он оказывается представимой частью травмы, связанной с вписанными в историю конфликтами.

Страстные переносы отсылают к размышлению Фрейда по поводу паранойи: когда перенос становится по своей сущности негативным, можно ли продолжать анализ? Страстная эротомания переноса задает первый – экстатический – этап этого негативного поворота, который часто проявляется вторично или порой скрывается за извращенным эротическим переносом, в виде «faux-self», ложного эго.

Что касается невидимых негативных переносов, они оказываются либо страстными переносами этого последнего типа, либо адгезивными, аддиктивными или фетишными переносами, расщепленными и скрытыми под «переносом на кадр» лечения (Ф.Дюпарк, Р.Русийон) или в «латеральном переносе» (Л.Абансур, Т.Бокановски, Ф.Дюпарк). Они служат также для маскировки меланхолического переноса, в котором тень объекта падает на аналитика (П.Шовель), на его контрперенос.

В этих переносах на первый план выходит травматическое непредставимое, которое часто требует инсценировки посредством контрпереноса, нередко намеренной или непредусмотренной модификации кадра анализа. Позиция третьего, обеспечиваемая кадром, способствует «Работе негатива» (А.Грин), изображению этого непредставимого, так же как в «Конструкции в анализе» Фрейд

говорит о том, что часто именно перцептивные воспоминания, соседствующие с травматической сценой и возвращающиеся почти как галлюцинация, создают эквивалент припоминания, когда травматический след не может быть облачен в слова. Она дает альтернативу расщеплению переноса, являющегося источником незавершенности анализа или негативной терапевтической реакции.

2. Теоретическое введение

НЕГАТИВНЫЙ ПЕРЕНОС И ПЕРЕНОС НЕГАТИВА. ПРОРАБОТКА НЕОБУЗДАННОСТИ И НЕНАВИСТИ

Тьерри Бокановски

Открывая дискуссию, посвященную теме «Негативного переноса», я хотел бы процитировать трех авторов, которые, как мне представляется, позволяют сформулировать и конкретизировать вопросы, которые мы собираемся проработать.

Прежде всего, это Морис Буве (Maurice Bouvet), который в своей статье 1954 года «Типовое лечение», где в главе «Перенос» он рассказывает о том, что побудило Зигмунда Фрейда различить – на основе их влияния на процесс лечения – позитивный перенос (выражающийся в теплых и нежных чувствах пациента в десексуализированном контексте) и негативный перенос (выражающийся в чувствах несогласия и противостояния), пишет:

«В действительности, термины “негативный” и “позитивный” перенос, хотя и имеют повсеместное хождение, запятнаны некоторой двусмысленностью. Иначе говоря, выражает ли определение “негативный” негативное воздействие на процесс лечения или всего лишь враждебность как характеристику переносимых чувств? Тот факт, что негативные чувства обычно влекут за собой замедление аналитической работы, не является постоянным, и я думаю, Лагаш прав, когда от негативного переноса, как коннотации качества аффектов, которые в данном случае являются враждебными,

отличает негативные последствия переноса, коннотацию, связанную с аналитической работой. На самом деле, очень часто, если не сказать постоянно, случается, что фаза негативного переноса, на которой субъект осознает свои агрессивные влечения, хотя и может сопровождаться временным замедлением аналитического процесса, в то же время указывает на существенный прогресс и в дальнейшем завершается положительными результатами; и наоборот, некоторые фазы крайне сексуализированного позитивного переноса знаменуют собой простой в ходе лечения и впоследствии имеют отрицательные последствия».

Второй автор, которого я процитирую, – Мелани Клайн, которая в статье 1952 года «Происхождение переноса» (относящейся к той же эпохе, что и статья Мориса Буве) пишет:

«Я утверждаю, что перенос берет начало в тех же процессах, которые на более ранних стадиях определяют отношения с объектом. В дальнейшем мы снова и снова должны возвращаться в анализе к колебаниям между любимыми и ненавидимыми, внутренними и внешними объектами, господствующими на протяжении всего раннего детства. Мы можем полностью оценить взаимосвязь между позитивными и негативными переносами, только если исследуем взаимодействие между любовью и ненавистью на ранних стадиях, порочный круг агрессивности, тревоги, чувства вины и накопившейся агрессии, а также различные аспекты объектов, на которые направлены эти противоречивые эмоции и тревоги. С другой стороны, исследование этих ранних процессов убедило меня, что анализ негативного переноса [...] – предварительное условие анализа самых глубоких слоев психики. [...] Эти достижения, как в технике, так и в теории, опираются на открытие Фрейдом инстинктов жизни и смерти, открытие, которое внесло фундаментальный

вклад в понимание истоков этой амбивалентности. Поскольку же инстинкты жизни и смерти, а впоследствии любовь и ненависть, в конечном счете, находятся в самом тесном взаимодействии, негативный и позитивный переносы связаны друг с другом на фундаментальном уровне».

Третий автор – на этот раз уже современный – Ж.-Б. Понталис (J.-B. Pontalis). После конференции «Европейской федерации психоанализа» по теме «Негативный перенос», прошедшей в 1987 году в Барселоне, он написал небольшой и не слишком обнадеживающий текст под названием «Перенос, прозванный негативным. Заметки после “удачного” конгресса». В нем автор защищает ту мысль, что так называемый «негативный перенос» не является – я цитирую – «аналитическим понятием», то есть «интеллектуальным инструментом, позволяющим уловить невидимое, указать на то, что, не будь его у нас, осталось бы неизвестным или нераспознанным». По сути дела, именно исходя из вопроса о любви и ненависти в переносе, то есть вопроса страсти, Понталис столь остро ставит как вопрос амбивалентности, так и соотносимый с ним вопрос дуальности влечений: «Нужно ли сводить антагонизм, присущий любой страсти, как бы она ни проявлялась – в громких криках или в приглушенном возмущении, – к основной оппозиции влечений к жизни, имеющих якобы “положительную” ориентацию, и влечений к смерти, предположительно желающих всё уничтожить? Мне порой кажется, – добавляет он, – что психоаналитики спешат уподобить любовь жизни, а смерть – ненависти. Не забыли ли они, что любовь, начиная с материнской любви, которую они считают прообразом любой другой, столь же разрушительна, сколь жестока любовь ребенка с его бесконечным требованием? Что касается ненависти, совершенно не очевид-

но, что направляющая и воодушевляющая ее сила сводится к желанию разрушить свой объект».

Теперь через три этих текста можно увидеть, насколько сложны проблемы, связанные с вопросом негативного переноса (или негативных переносов во множественном числе), как с точки зрения того, что выражается ими благодаря тому или иному способу сообщения (открытого или скрытого) с отношением (и со связью с объектом в отношении), так и с точки зрения того, к чему они отсылают в метапсихологическом плане. Но прежде чем пойти дальше, вернемся к Фрейду.

Краткое напоминание об основных этапах фрейдовских открытий

Хочу напомнить, что понятие негативного переноса в его разных определениях и вариантах выступает у Фрейда завершением долгого процесса.

В самом начале, в «Исследованиях истерии» (1895), Фрейд видит в переносе сигнал приближения бессознательного конфликта, что влечет за собой ту или иную форму сопротивления. Он отмечает, что переносы, осуществляющиеся в контексте лечения, связаны с приближением представлений, которые до сих пор были вытеснены из-за своего «болезненного» или «непримиримого» характера. Таким образом, с самого начала он ощущает в переносе момент препятствия, силы, которая противится воспоминанию вытесненного материала.

Но только в своих «технических работах» и в особенности в статье «О динамике переноса» (1912) Фрейд все-сторонне разъяснил не только влияние функции переноса на процесс лечения – переноса, являющегося одновременно главным препятствием и основным инструментом

(подлинным орудием), обеспечивающим продвижение терапии, – но и качество переносов, связанных с амбивалентностью влечений, пронизывающих бессознательное отношение субъекта к его объектам и, соответственно, в рамках лечения, к самому психоаналитику, что позволило ему различить переносы двух типов (два течения переноса), один – нежный, другой – враждебный.

Именно в этом тексте он впервые вводит термин «негативный перенос» и предлагает выделить внутри позитивного переноса, с одной стороны, часть, образуемую дружескими и теплыми чувствами, которые могут быть осознаны, а с другой – эротическую часть, которая продолжается в бессознательное. Негативный перенос, образованный чувством агрессии или ненависти, как эротическая часть переноса, служит сопротивлению. Аналитик, однако, может опереться на другую часть переноса, позитивную, чтобы преодолеть сопротивление пациента.

С тех пор этот первый теоретический набросок задает то, что связывается с «двойными полярностями переноса» (К. Куврер), а именно то, что перенос:

- с одной стороны, предстает одновременно как сопротивление и как важнейший инструмент, позволяющий продвигаться в анализе,
- с другой стороны, состоит одновременно из положительных (нежность/любовь) и отрицательных (агрессивность/ненависть) валентностей,
- и наконец, создает возможность воспоминания и представления, но при этом способен и воспрепятствовать им, в том числе и тогда, когда он оказывается переносом отыгрываемого типа (или «трансферентным отыгрыванием»), поскольку акт, отыгрывание (нем. *agieren* как «действовать» и «играть на сцене») за-

мещают слово, прерывая игру переноса, что Фрейд (в «Замечаниях о любви в переносе», 1915) сравнивает с приостановкой «театрального представления»,

Начиная с этого момента, можно заметить, что постепенно у Фрейда всё чётче проявляется та идея, что перенос не только определяется через «следствие» лечения, но также является «показателем» трансформаций, внутренне присущих либидо, поскольку переносу могут быть подвергнуты именно влечения. И если сегодня мы в состоянии провести демаркационную линию – далеко не единственную – между позитивом и негативом переноса, в частности на основе клинических достижений, полученных в рамках развития первой теории влечений, метапсихологическое истолкование теории в 1915-1925 году (вторая теория влечений) приводит к трансформации того, что внутри психического аппарата ведет к выражению некоторых форм негативных переносов, поскольку с ними связан вопрос негативности, соотносящийся, в свою очередь, с деструктивностью (переход от «негативного переноса» к «переносу негатива»).

Со времен лечения «Человека с волками» (1918 [1914]) и рождения всех тех вопросов, касающихся форм выражения негатива, с которыми эпоха, а затем и Фрейд столкнулись благодаря «молодому русскому человеку», факторы, вносящие свой вклад в негативность лечения, стали центральным вопросом, заданным затруднениями, обнаруживаемыми в ходе некоторых анализов. Хочу напомнить, что работа «К введению в нарциссизм», написанная в том же году, когда состоялся первый анализ Сергея П., позволяет Фрейду утверждать, что некоторые формы сопротивления, влекущие за собой негативный перенос, могут быть

прояснены при помощи концепции нарциссизма. Впрочем, в том же 1914 году Фрейд определяет негативный фактор как связанный с повторением, поскольку процессу вспоминания, характерному для ассоциативной работы пациента, как выясняется, препятствует процесс повторения. Ещё более четкие формулировки появляются в 1920 г. в работе «По ту сторону принципа удовольствия», где Фрейд вводит повторение в его негативной и смертоносной форме (навязчивое повторение), которая приводит его к гипотезе о влечении к смерти, главной силе, препятствующей развертыванию либидо. Тогда к демоническому аспекту влечения добавляется действие влечений к разрушению, работающих в самом сердце психического аппарата.

Начиная с момента, который сегодня принято называть «поворотом 1920 года», открытия Фрейда всё ближе подходят к попыткам объяснить и ответить на вопросы, поставленные тем фактом, что некоторые анализы зашли в тупик, в частности те, которые связаны с участием переносов, укорененных в негативности, которая поднимает вопрос о силах развязывания, действующих через повторение и выражающих себя либо в «негативной терапевтической или психоаналитической реакции» (мазохизм, бессознательное чувство вины), либо в иммобилизирующем негативном отношении переноса (бесконечный анализ).

Именно так в одном из текстов, считающихся его завещанием, в «Конечном и бесконечном анализе» (1937), Фрейд берется передать свой опыт лечащего врача, перечисляя и по-новому оценивая различные факторы психической жизни, которые, по его мнению, вносят свой вклад одновременно и в трудности, с которыми сталкивается психоаналитическая работа, и в нестабильность изменения, обусловленную особенностями отдельных сопротив-

лений субъекта, а именно «тех, что противостоят выявлению его собственных сопротивлений».

Это заставляет его вспомнить гипотезы, связанные с развитием второй топки (сила влечений к разрушению, которые противопоставляются силе Эроса; плавающая деструктивность, распределенная по всем инстанциям психического аппарата; моральный мазохизм; бессознательное чувство вины и т.д.), а также предложить метафору «скалы» биологического, понимаемого в качестве предела и ограничителя анализируемости как таковой, – метафору, указывающую на отрицание женского у обоих полов и на вопрос отрицания, от которого, в свою очередь, отправляется вопрос расщепления, ставший главной темой, которой Фрейд продолжит заниматься до конца своей жизни (см. «Расщепление Я в процессе защиты», 1938; «Очерк психоанализа», 1940 [1938]).

Итак, в том, что касается негативных переносов, фрейдовские открытия позволяют сегодня различить (я опираюсь здесь на различие, предложенное К. Жанэн, 2000):

- с одной стороны, то, что относится к негативному переносу в его классическом определении, согласно которому он понимается как негативная валентность позитивного переноса, которая отсылает к нежному/любовному и агрессивному/враждебному (яростному и агрессивному) содержаниям переноса, каковые соотносятся с переносом, который вспоминается, прорабатывается и репрезентируется (перенос, связанный со смыслом – через предметные и словесные представления, речь, вытесненное, систему предсознательного/сознания, и всё это в связи с «принципом удовольствия/принципом неудовольствия»),

- с другой стороны, то, что относится к переносу, отыгрываемому в повторении: характерная особенность переноса этого типа связана с динамикой влечений, то есть с силой, связанной с Оно (деструктивность), которая влечет за собой то, что «по ту сторону» (или «по эту сторону») «принципа удовольствия/принципа неудовольствия». Такой тип переноса, который можно квалифицировать как перенос негативирующего типа (перенос негатива), отличается тем, что характерные для него импульсы влечений, равно как и аффекты (ярость и ненависть), ставят под сомнение саму возможность переноса, выражая тем самым недостаток – или провал – «работы негатива» (А. Грин, 1993). Именно изучение психических основ разворачивания переноса такого рода даст начало множеству ведущих теоретических положений, которые задают развитие «современного психоанализа».

Негативный перенос и негативные переносы: несколько общих замечаний

Негативные переносы, возникающие из-за неизбежного повторения в процессе лечения состояний фрустрации и нехватки, связанных с ощущением, что объект не восполняет нехватку и не отвечает детским ожиданиям, – это выражение агрессивных, враждебных, сильных и необузданных чувств, которые в определенные моменты лечения могут приобрести коннотацию ненависти.

Между тем, они определяются не только негативным и необузданным характером чувств, выражаемых ими (впрочем, напомним, что необузданность – «скрытая сила, которая лежит в центре любого переноса»; А. Грин, 1995), но также тем, что возбуждающие их душевные движения

затрудняют разворачивание процесса: иначе говоря, как я указал выше, процитировав М.Буве (1954), негативность переноса зависит не столько от того, какой знак присвоен содержанию, сколько от негативности его влияния.

Фактически через личность аналитика негативные процессы в переносе пытаются, прежде всего, атаковать связи с объектом переноса, который тот представляет, как интра- и интерсубъективные связи, развивающиеся по мере продвижения лечения.

Таким образом, негативные переносы находятся в самом сердце анализа, и можно утверждать, что «анализа» бы не было, если бы они не были «услышаны» и, соответственно, проинтерпретированы в анализе, поскольку это один из центральных аспектов психоаналитической работы. Подобно тому, как Фрейд говорит, что толкование сновидений – «царский путь», ведущий к бессознательному, я бы хотел выдвинуть идею, что истолкование негативного переноса – «царский путь» аналитического процесса.

По опыту известно, что слишком молчаливое отношение или скудость толкования могут ограничить развертывание новых ассоциаций, хотя это и не окажет необратимого воздействия на процесс лечения, в частности в случаях функционирования, позволяющего установиться неврозу переноса.

Наоборот, если не были замечены, выявлены, так или иначе вскрыты различные аспекты негативного переноса, каков бы ни был тип психического функционирования субъекта, возникает риск появления препятствия, вредного для процесса анализа (и грозящего увязанием или застоем последнего), или складывания условий, определяющих тупиковость лечения или его прерывание: как пишет Ф. Гиньяр (2000), аналитик натывается на непри-

ятное открытие «опустошения, учиненного, хотя он ничего об этом не знал, дьявольской алхимией негативных стихий переноса и контрпереноса, которые в арьергарде молча бились друг с другом насмерть».

Как было указано выше, негативные переносы обусловлены по крайней мере тремя факторами психического порядка:

- с одной стороны, амбивалентностью чувств (позитивные чувства любви и негативные чувства ненависти, действуя совместно, формируют отношения субъекта с объектом («объект рождается из ненависти», – пишет Фрейд в работе «Влечения и судьбы влечений», 1915),
- с другой стороны, нарциссизмом (Фрейд, 1914),
- и наконец, тем, что возникает из влечения к смерти (влечения к разрушению) как внутренне присущей ему деструктивности, которые, поскольку психическая негативность продолжает работать (А.Грин, 1993), приносят в процесс лечения разные формы «негативизма».

В основном причиной различных препятствий, встречающихся во время аналитической работы, оказываются два последних психических фактора (нарциссизм и влечение к разрушению).

Так, проявления влечений и аффектов, в которых могут найти выражение негативные переносы, способны принимать самые разные формы, как прямые, так и косвенные, и их соотношение варьирует в зависимости от хода и этапов лечения:

- либо сама личность аналитика может стать мишенью для мыслей и аффектов, связанных с агрессией, враждой, ненавистью, завистью и т.д., вызванных «шумным» негативным переносом, который иногда может окрашиваться любовной страстью;
- либо негативный перенос выражается косвенным образом, оставаясь «замаскированным», даже совершенно «молчаливым»; в этих случаях речь идет о «лицемерном» негативном переносе, который появляется на психической сцене не в собственном обличье, но скрывается под чужой личиной, например, за позитивными аффективными импульсами, остающимися в рамках «любви в переносе», или за внешним сотрудничеством, демонстрируемым «ложными прозрениями» и аффектами в модальности «как если бы». Это ложное подчинение процессу, даже личности аналитика, может, таким образом, маскировать скрытый затяжной бунт против зависимости от объекта, способный в долгосрочной перспективе оказаться весьма разрушительным, если он не будет выявлен и/или проанализирован.

Таким образом, я предлагаю выделить две формы негативных переносов:

а) с одной стороны, негативный перенос в его наиболее классическом определении, то есть перенос, связанный с перипетиями движений амбивалентности, конститутивных для связей с объектом;

б) с другой стороны, разрушительный негативный перенос, который относится к совсем иному регистру, поскольку им руководят разрушительные влечения.

Каждый из этих вариантов будет выражать разные модальности защиты от возникающих влечений и чувств (эмоций или аффектов), пробужденных – в ходе психоаналитического лечения – объектом (т.е. отношением и, следовательно, объектом в отношении).

Негативный перенос в его наиболее классическом определении

Он оживляет и поддерживает процесс в качестве негативной валентности позитивного переноса, которая, по выражению Ж. Курню (2000), оказывается неким негативным переносом жизни. Как неотъемлемое качество аналитического процесса, он чаще всего оказывается его *primum movens*, перводвигателем, – в той мере, в какой он связан с сопротивлением, вызванным переносом.

Состоящий из негативных, агрессивных, жестоких и враждебных чувств или переживаний, относящихся к трансферентному объекту и объекту переноса, негативный перенос чаще всего выражается в нападках на аналитика, в атаке на кадр, который задает как организацию лечения, так и его вероятную «осуществимость». Поскольку он проявляется как негативная валентность базового переноса и поскольку он связан с переживанием амбивалентности любви/ненависти в отношении объекта, он вписывается как затруднение движения, даже как иммобилизация, которая вызывает у субъекта, а именно у тех субъектов, чьи психические модальности позволяют развиваться невроту переноса, движения «контрпроцессуальности» (Т. Букановски, 2004).

У этих субъектов, если способность к смещению инвестиций сохранилась, негативный перенос, амби-

валентным образом обращенный на объект (на трансферентный объект), остается вписанным на уровне Эроса; его психические проявления питаются скрытыми или явными упреками, обращенными на трансферентный объект и объект переноса; он представляет фактор индивидуации – способность думать и говорить «нет», поскольку первичная дифференциация Я/не-Я некогда могла осуществиться.

Другими словами, даже если есть очевидные перебои процесса, разрушающие иллюзию линейности и непрерывности отношения (как объектного, так и нарциссического), возможность переноса поддерживается тем, что негативный перенос всё равно укоренён в связывании влечений. Благодаря полю аналитического отношения движения негативного переноса (агрессивные, необузданные, враждебные или полные ненависти) могут трансформироваться в аффекты и по-прежнему поддаются символизации, благоприятствуя истолкованию (переноса).

Подводя итог, можно сказать, что в переносе этого типа чувства враждебности, такие как ненависть, возникают из психического страдания – в противоположность психической боли; это страдание, связанное со страхом кастрации и пенетрации, равно как и со страхом разлуки (который отсылает к трауру), остается «процессуальным» и применительно к нему охотно говорят о чувстве враждебности, необузданности, а также о ненависти переноса и в переносе.

Разрушительный негативирующий перенос

Иногда негативный перенос может принять форму эротического негативного переноса и вписаться в формы страстных переносов: в таких случаях влечение отклоняется в

сторону нарциссизма и иногда влечет за собой настоящую эротизацию переноса с важными отыгрываниями. Тогда он перенимает аспекты враждебного негативного переноса, опирающегося на проекции, конфликтное выражение которых, состоящее из притязаний нарциссического порядка, зачастую необузданных или злобных, может стать невыносимым как для пациента, так и для аналитика.

В этих случаях негативный перенос присоединяется к той категории переносов, которые я предложил называть разрушительными негативирующими переносами; их также, следуя выражению Ж.Курню (2000), можно считать негативным переносом смерти, то есть переносом, который обездвиживает процесс и психическую жизнь как пациента, так и аналитика.

Психические проявления, окрашивающие перенос этого типа, влекут за собой сопротивления, которые часто представляются непреодолимыми и которые могут вызвать страх если не негативных терапевтических реакций, то, по крайней мере, «бесконечного» анализа: они лежат у истоков всей проблематики и всех достижений так называемого современного анализа, касающихся как возможности анализа, так руководства лечением, всех психических категорий, начиная с «невроза характера» (который иногда может принимать предельно нормативные социальные формы – в случае тех, кого называют «нормопатами») и заканчивая категориями, стоящими на грани «страстного безумия», которые могут способствовать развитию бредовых переносов («частное безумие»): сюда можно отнести любую патологию нарциссизма (а именно «пограничные» или «не невротические» случаи), психосоматические расстройства и расстройства, относящиеся к «аддикциям», психопатию и негативность, рож-

дающиеся из перверсии переноса («анти-анализанд» Дж. МакДугалл).

Разрушительный негативирующий перенос также вписывается в «антипроцессуальность» (Т. Бокановски, 2004), связанную с негативностью, которую порой нелегко повернуть вспять, поскольку чрезмерное действие разрушительных влечений затрудняет функцию связывания и уничтожает процесс, разрушая инвестирования и саму способность к переносу; они делают поле процесса бесплодной и лишают его преобразующей силы.

Такого рода перенос чаще всего проявляется у субъектов, у которых организация психоневроза переноса недостаточно опирается на сплетение влечений и потому оказывается уязвимой для постоянно действующих механизмов развязывания. Тупиковые ситуации, связанные с «основной нехваткой» в базовой организации субъекта, из-за «провалов» в установлении первичных связей с объектом могли повлечь одновременно сбой в формировании нарциссизма (нарциссические раны, порождающие настоящие первичные травмы), неразличимость (или неразличение) первичной любви и ненависти, а также важные расстройства репрезентаций, которые наносят непоправимый ущерб «Я». Эти преждевременные поражения «Я» становятся в таком случае источником болезненных психических состояний, вызванных радикальным характером создающихся защитных механизмов (отказ, расщепление, отрицание, патологическая проекция и/или проективная идентификация, всемогущество и т.д.), при этом интенсивность сопровождающих их аффектов такова, что иногда они могут ввергнуть субъекта в состояние подлинной «психической беспомощности».

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru